

Александр Юрьевич Бендин, кандидат исторических наук, доцент.
Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла
Белорусского государственного университета.

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.В.)

Религиозно-этническая ситуация.

Стремительное географическое расширение Российской империи в XVIII–XIX вв., начало которому положили победа России в Северной войне и присоединение Прибалтики, привело к тому, что в ее состав были включены обширные европейские территории, принадлежавшие ранее Речи Посполитой и Османской империи. Завоевания на Северном Кавказе и в Средней Азии, присоединение Закавказья, освоение Сибири и Дальнего Востока завершили территориальную экспансию империи, окончательно придав ей евразийский характер. Имперский характер российского политического механизма в силу своего специфического устройства обеспечивал возможность управления государством, многочисленные народы которого находились на разных стадиях культурного, социального, экономического и политического развития. Российская империя обладала огромным религиозным и этнокультурным разнообразием, сложившимся еще в дореформенную эпоху. Важнейшим признаком этнокультурной идентичности было вероисповедание, определявшее групповую принадлежность в большей степени, нежели язык. Российское самодержавное государство позднего периода отличалось полиэтничным и мультирелигиозным характером, тем не менее, русские* оставались в нём самым крупным, значительно превосходящим все другие народы этносом. Российская империя в силу преобладания христианских народов оставалась по своему этническому составу преимущественно европейским государством.

Большинство этнических групп и диаспор России были конфессионально и религиозно едиными: свыше 98% русских, украинцев, румын, греков, коми, мордвы, чувашей и якутов были православными; почти все казахи, узбеки, киргизы, сарты, таджики, чеченцы и дагестанцы – мусульманами; свыше 98% поляков и литовцев – католиками; почти все финны и шведы – лютеранами и свыше 96% калмыков – ламаистами. На разные религиозные группы были расколоты немцы, среди которых было 13,5% католиков; среди белорусов католики, в том числе бывшие униаты, составляли 18%; среди латышей было 18% католиков, 4,5% – православных,

---

* В этот период этноним “русские” в государственном, церковном и общественном понимании означал общее название всех трёх восточнославянских народов: великороссов, малороссов и белорусов. Благодаря первенствующему значению православной идентификации понятие русскости носило инклюзивный характер, не замыкаясь на сугубо этнической составляющей. Понятия «русский» и «православный» считались синонимами, католик или протестант, ставшие православными, считались русскими. В свою очередь понятия «поляк» и «католик» имели для русских одинаковое значение.

остальные – лютеране; среди эстонцев 13,2% составляли православные, остальные – лютеране; 6–7% волжских татар и 24,6% черкесов были православными, остальные исповедовали ислам. Таким образом, в состав населения империи входили многочисленные этносы, исповедовавшие такие мировые религии, как христианство, ислам, буддизм и иудаизм; кроме того, малую часть населения России составляли многочисленные гетерогенные этнические группы поклонников пантеистических культов.

Религиозно-этническая структура Российской империи в её демографической динамике выглядела следующим образом:

Религиозно-этнический состав населения Империи.	1867 г., млн. чел.	1897 г., млн. чел.	Прирост, %
Иудеи	2,3	5,1	121
Мусульмане	4,1	6,9	70
Католики	6,9	11,4	68
Православные	54	87	61
Протестанты	2,3	3,7	57
Старообрядцы и сектанты	1,5	2,1	41 ¹

Как свидетельствуют статистические данные всероссийской переписи населения 1897 г., лица православного исповедания (вместе со старообрядцами) составляли 71% населения страны. Следовательно, Русская Православная Церковь являлась крупнейшей религиозной общиной Российской империи, существование которой определялось своеобразным правовым статусом, сочетавшим элементы протестантской доктрины территориализма и государственной церковности с элементами традиционной, унаследованной от Византии симфонии².

Следует добавить, что государственная церковность синодальной эпохи, складывавшаяся на протяжении XVIII–XIX вв., сохраняя черты византийско-московского наследия, привнесла в систему церковно-государственных взаимоотношений ряд существенных изменений, в частности, законодательное оформление принципов новой имперской веротерпимости.

Поэтому, не отвергая специфически протоимперской практики религиозной толерантности, свойственной Московскому царству по отношению к инославным христианам и иноверцам (Nolte H.-H. *Religiose Toleranz in Rusland 1600–1725*. Gottingen, Zurich, Frankfurt, 1969), императорское правительство как субъект веротерпимости сохраняло и модернизировало традиционное отношение к религиозным верованиям этнических групп, племён и диаспор включаемых в состав России на протяжении XVIII–XIX вв.

Цель данной работы заключается в попытке анализа проблем использования государством традиционных институтов религии, существовавших в правовом пространстве веротерпимости, в качестве инструмента воздействия на процессы формирования религиозной идентичности этнических групп, рассматриваемых в контексте

интеграционных аспектов национальной политики Российской империи во второй половине XIX начале XX вв.

Принципы веротерпимости, провозглашенные в XVIII веке и законодательно закрепленные в Своде законов 1832 г., осуществлялись в тесном единстве с принципами национальной политики Российской империи. Это единство покоилось на общей прагматической основе, причем веротерпимость в ее традиционно московской, а затем имперской интерпретации распространялась в соответствии с церковно-государственным законодательством, прежде всего на этнические группы и диаспоры, представляющие для монархии как *субъекта* веротерпимости религиозные общества и союзы. Такой исторически сложившийся подход отношений с *объектами* веротерпимости свидетельствует о том, что религиозный фактор рассматривался в качестве главного отличительного признака наций, этнических групп и диаспор, населявших территорию Российского государства. Как следует из «Устава иностранных исповеданий» и «Устава о предупреждении и пресечении преступлений», в империи из иностранных христианских исповеданий были допущены: вера римско-католическая; протестантская – лютеран, реформаторов и гернгутеров; армяно-грегорианская; исповедания христианских сект, меннонитов, баптистов, вера еврейская – талмудистов и караимов; мусульманская – шиитов и суннитов; буддийская; языческая – шаманистов и др. Среди указанных вероисповеданий мы находим конфессии и религии наиболее крупных этнических групп, населявших Российскую империю.

К понятию веротерпимости.

Правительство Российской империи в своей вероисповедной политике исходила из того, что всякое христианское государство обязано уважать религиозную самобытность населяющих ее народов со всеми их характерными чертами, и практически (за исключением ряда случаев в первой половине XVIII века) не применяла принудительных мер с целью религиозной ассимиляции своих неправославных подданных.

Государственно-церковную точку зрения на проблему веротерпимости сформулировал профессор Юрьевского университета М. Красножен, известный специалист по каноническому праву, апологет сложившейся в результате петровской реформы системы взаимоотношений между государством и Русской Православной Церковью. Опираясь на мнение таких авторов, как А.В. Дикхофф и М. Рейснер, в своей работе «Иноверцы на Руси», заслужившей одобрение императора Николая II, профессор подчеркивал, что принцип христианской терпимости отнюдь не предполагает равног отношения государства ко всем признанным им религиозным обществам. Справедливость требует, чтобы каждый получал свое, насколько это соединимо с представляемой государством истиной; принцип справедливости не есть принцип абсолютного равенства³. Христианская терпимость, – продолжает М. Красножен, – это не равнодушие к своей истине и чужим религиозным заблуждениям. В области личного религиозного убеждения государство должно гарантировать полную свободу совести и не может действовать ни мечом, ни тюрьмой, ни лишением гражданских прав. От

свободы личного исповедания следует отличать свободу религиозного соединения, публичного культа, образования религиозных обществ: безграничная и безусловная свобода подобных соединений уже переходит границы требований христианской веротерпимости; таких публичных религиозных обществ государство не может оставить без своего надзора и регламентации⁴.

Тем самым утверждалась легитимность действовавшего порядка отношений российской государственной власти к неправославным религиозным сообществам, который основывался на неравенстве условий их существования относительно господствующего статуса Русской Церкви. Этот порядок государственно-религиозных взаимоотношений исторически определялся в России понятием *веротерпимости*, который имел свои отличительные особенности, относительно аналогичной практики ряда государств Западной Европы и США.

Принципы религиозной свободы, выработанные западной правовой мыслью ко второй половине XIX века, в изложении известного либерального правоведа А.Д. Градовского включали следующие положения: а) свободу публичного отправления богослужения по обрядам своей веры; б) свободу избрания вероисповедания; в) свободу проповеди с целью обращения в свою веру лица, принадлежащего другому исповеданию, и основания новой церкви, г) возможность пользоваться всеми политическими и гражданскими правами, несмотря на принадлежность к той или другой церкви. Тем самым свобода веры предполагала защиту прав личности свободно и без участия государственной или церковной власти избирать то или иное вероисповедание и беспрепятственно следовать ему. Однако последовательная реализация указанных положений была свойственна, по замечанию Градовского, далеко не всем западноевропейским государствам.

Что касается вероисповедных свобод, нашедших свое выражение в российском законодательстве, то они сводились прежде всего к праву признанных законом неправославных религиозных сообществ на свободное исповедание своей веры и публичное отправление богослужения, то есть законодательство обеспечивало в веротерпимость в тех границах, которые представлялись ему наиболее целесообразными для проявлений религиозной жизни своих неправославных подданных. Веротерпимость предусматривала специфическую практику государственного регулирования деятельности религиозных сообществ в соответствии с иерархическим принципом устройства системы вероисповедных отношений. Правовым выражением веротерпимости являлось равенство признанных религиозных обществ перед законом. Непризнанные религиозные общества законодательством игнорировались и поэтому не имели никаких прав. Необходимо отметить, что содержание понятия веротерпимости включало дискриминационные и репрессивные меры, направленные на ограничение религиозных свобод и религиозного плюрализма.

Поэтому нормы религиозного законодательства, действовавшие в империи в конце XIX – начале XX вв., имели ряд ограничений, касавшихся таких важных принципов вероисповедной свободы, как свобода миссионерской деятельности, свобода избрания веры и образования новых религиозных групп среди признанных законом вероисповеданий, а также

зависимость личных прав подданных от вероисповедания. В законодательном аспекте веротерпимость, по сути, выражала государственную концепцию свободы совести и веры, согласованную с интересами Церкви и государства⁵. Ценностные приоритеты церковно-государственной позиции по вопросу о веротерпимости были сформулированы Московским святителем Филаретом следующим образом: «Мысль о веротерпимости – мысль благовидная и справедливая, но только тогда, когда верно и точно определены её предмет и пределы. Мысль об охране единства вероисповедания, господствующего в государстве, должна стать выше мысли о веротерпимости и полагать ей пределы»⁶.

Правительственный проект формирования вероисповедных отношений в его законодательном и практическом плоскостях, реализуемый в условиях системной модернизации российского общества, противостоял альтернативному проекту, который начал формироваться в результате критики официальной веротерпимости в среде старших славянофилов, а затем, более обстоятельно и концептуально, в кругах либеральной оппозиции. Краеугольным камнем либеральной концепции веротерпимости являлось положение о необходимости в российских условиях отделения Церкви от государства по образцу западных государств (свободная Церковь в свободном Российском государстве). Тем самым выказывалась уверенность, что только при осуществлении такого отделения явится возможность полной реализации принципа личной вероисповедной свободы и упразднения отживших «канонических начал» российского уголовного кодекса относительно лиц, «разномыслящих в вере», развитые на почве т.н. «византизма» (единая истинная вера, монополия на прозелитизм и религиозная нетерпимость).⁷

Вопрос о границах веротерпимости, содержании и качестве религиозных свобод в России в его церковно-государственной и оппозиционной либеральной трактовке приобрёл широкий общественный резонанс. Для представителей либеральной оппозиции практика обсуждения вопроса о преобразовании традиционной веротерпимости в духе западноевропейских представлений о свободе совести, являлось способом манифестации своих идеологических проектов модернизации политических институтов российского государства (ускоренная трансформация самодержавной государственности в правовое государство с конституцией и парламентом) и критики религиозно-политического status quo. Темой критических выступлений служила, как правило, правовая дискриминация старообрядцев и сектантов и меры государственной политики, направленные на ограничения их религиозной свободы.

Особое положение Русской Церкви.

Правовое пространство веротерпимости определялось и структурировалось особым положением Русской Церкви среди многочисленных религиозных общин империи. Статья 40 Основных законов гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания»⁸.

Первенство Православной Церкви выражалось, главным образом, в том, что российский император «не может исповедовать никакой иной веры,

кроме Православной»⁹. Закон возлагал на императора обязанность «быть верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния».¹⁰ В управлении Православной Церкви верховная власть действовала непосредственно через учрежденный ею Святейший Правительствующий Синод¹¹. Однако особенность положения Православной Церкви в значительной степени корректировалось тем, что обер-прокурор при Святейшем Синоде, прежде осуществлявший только функцию надзора за законностью синодального делопроизводства, с 1835 г. получил права министра. Благодаря этому обер-прокурор стал посредником между Православной Церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору не иначе, как через обер-прокурора, занимавшего таким образом положение подлинного министра ведомства православного исповедания.

Официально отмечались только праздники Русской Православной Церкви. В эти дни государственные учреждения и учебные заведения были закрыты, запрещалось совершать наказания по судебным приговорам. К праздничным дням в соответствии с законом были отнесены все воскресные дни в году, все так называемые двенадцатые праздники, некоторые дни памяти нарочитых святых, например день Николая Чудотворца 9 мая и 6 декабря, день апостолов Петра и Павла 29 июня и др.; пятница и суббота сырной недели, четверг, пятница и суббота страстной недели, вся пасхальная неделя, время с 23 декабря по 2 января, также дни рождения и тезоименитства государя, государыни, наследника престола, дни восшествия на престол и коронавания.¹²

Господствующее положение Русской Церкви выражалось в требовании законодательства, «чтобы лица других исповеданий, вступающие в брак с лицами православного исповедания, дали подписку, что не будут ни поносить своих супругов за православие, ни склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом к принятию своей веры и что рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах православного исповедания»¹³.

Первенствующее положение Церкви нашло свое законодательное выражение также и в том, что «признавая одну себя единою истинною Церковью Христовою, принадлежность к которой является необходимым условием для спасения, не допускает для своих последователей свободы перехода из православия в иное, хотя бы христианское, исповедание и рассматривает лиц, отпавших от православной веры, как заблуждающихся, заботясь о возвращении их в православие».¹⁴ Такая позиция Православной Церкви не была исключительной: в соответствии с нормами канонического права не только Православная, но и всякая иная Церковь не допускает для лиц, к ней принадлежащих, свободы выхода и перехода в другое вероисповедание, не считая такой выход правомерным актом.¹²

Юридически предполагалось, что всякое частное лицо остается в вере, в которой оно рождено и которую исповедывали его предки. Законодательство не допускало возможности не принадлежать ни к какому исповеданию, то есть государство признавало в каждом подданном человека религиозного. По существовавшему тогда общему правилу не допускался

также и свободный переход из одной признанной веры в другую. Тем самым права отдельной личности были неотделимы от прав религиозной общины. Допускался переход только в православие всем инославным и иноверным без всяких ограничений. Вместе с тем закон утверждал, что «как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещается отступить от нея и принять иную веру, хотя бы то и христианскую»¹⁵.

Закон предписывал православным христианам обязательное исполнение религиозных обязанностей. Каждый православный христианин должен был не менее одного раза в год исповедаться и причаститься св. тайн. Детей необходимо было приводить на исповедь и к причастию, начиная с семилетнего возраста. Гражданское и военное начальство, как и духовное, должно было наблюдать, чтобы подчиненные неукоснительно исполняли свой христианский долг. О тех, кто не исполнял своего христианского долга в течение трех лет и не воспринимал увещевания священнослужителей, сообщалось гражданскому начальству на его усмотрение. Родители, которые не приводили детей на исповедь, подвергались особому внушению священноначалия и замечанию от местных гражданских властей¹⁶.

Привилегированность Православной Церкви выражалось также в принадлежавшем ей исключительном праве проповедования своего вероучения. «В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовная же и светские лица прочих христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенных»¹⁷.

Отсюда следует, что духовенству и мирянам иных конфессий и религий было запрещено обращать в свою веру православных, а всякое отпадение от православия считалось незаконным, а соращение из него преступным, против которых принимались как предупредительные меры, так и меры уголовного преследования. Если отпадение от православия не было наказуемо в уголовном порядке, то соращение из него предусматривало суровые наказания. Так, за соращение в инославие (католичество, протестантизм) виновный приговаривался к лишению всех прав и ссылке в Сибирь, за отвлечение в иноверие (ислам, буддизм, иудаизм, язычество) предусматривались каторжные работы на срок от 8 до 10 лет¹⁸. Таким образом, формирование имперского пространства и распространение православия, носителем которого были русские до Памира и берегов Тихого океана, соприкосновение православного населения с разнообразными этническими группами различного вероисповедания и опасность прозелитизма с их стороны, а также со стороны старообрядцев и сектантов, вызвали со стороны государства меры по защите «господствующего» и «первенствующего» положения Русской Церкви. Тем самым Русской Церкви придавался статус *субъекта* веротерпимости в контролируемой государством системе межконфессиональных и межрелигиозных коммуникаций.

Внешнеполитический аспект политики веротерпимости.

Национально-религиозные проблемы Российской империи, оказывавшие воздействие на законодательное формирование границ веротерпимости, которые, в свою очередь, определяли практику решения этих проблем, а иногда и их происхождение, нельзя рассматривать вне контекста территориального окружения. В частности, польский и украинский вопросы с их конфессиональной составляющей невозможно анализировать без учета Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии, а также других территорий, находившихся за пределами империи. Между империями происходил не только обмен идеями и средствами, отправляемыми на поддержку разных движений по другую сторону границы, но и весьма интенсивный кадровый обмен активистами национальных движений. В этом обмене участвовали и священнослужители. Для изучения вероисповедного аспекта процессов формирования национальных идентичностей необходим учет внешнего фактора, то есть участия «в игре» не только внутриимперских, но и зарубежных акторов. Достаточно напомнить о принадлежности крупных этнических групп к универсальным религиям, основные центры которых находятся за границами России. Для католицизма таким центром оставался Рим, для протестантизма и баптизма – Германия, для мусульманства – Стамбул, для ламаистов – Лхаса. Западный и Остзейский края непосредственно прилегали к той границе империи, откуда привыкли ждать военных угроз. В контексте объединения Германии и нараставшего напряжения с Австро-Венгерской империей борьба за влияние на идентичность этнических групп и стремление «предохранить» их не только от политического влияния, но и от культурной, языковой и, добавим, религиозной экспансии польского и немецкого проектов национального строительства все более воспринимаются самодержавием как приоритетная задача.

Оценивая ситуацию в сфере вероисповедной политики Российской империи, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев имел основания высказать представителям швейцарского евангелического союза следующее суждение: «Россия хранит глубокое убеждение, что нигде в Европе инославные и даже нехристианские исповедания не пользуются столь широкою свободою, как посреди русского народа. Увы, в Европе не хотят признать этой истины. Почему? Потому единственно, что там к понятию о свободе исповедания примешалось безусловное право пропаганды его. И вот источник ваших сетований на наши законы о совращениях из православия и об отпадениях от него! В этих законах, ограждающих господствующее в России исповедание и устраняющих посягательство на спокойствие его, Европа видит ограничение свободы для других исповеданий, даже преследование их... Да, к прискорбию для христианского чувства еще не настало время для мирной встречи христианских идей Востока и Запада; западные исповедания у нас еще не свободны от мирских видов, от посягательства на могущество и даже целостность России»¹⁹.

Как отмечает А.И. Миллер, плотность и многоплановость взаимодействия в области национальной политики между соседствующими континентальными империями в последние десятилетия XIX – начале XX вв. качественно отличается от типичного для геополитического соревнования империй использования «национальной» карты. Понимание многих процессов в области национальной политики предполагает учет общей картины в

макросистеме континентальных империй Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов и Османской империи. Панславизм был важным фактором внутренней ситуации в империи Габсбургов и в Порте, а в России он претендовал на роль если не официальной, то официозной идеологии. Поддержка пантюркизма и панисламизма среди российских мусульман стала для Стамбула формой контригры в ответ на панславизм и поддержку Петербургом национальных движений балканских славян. В свою очередь пангерманизм связывал Пруссию – Германию и с империей Габсбургов, и с Россией с ее остзейским краем²⁰. Таким образом, внутренняя политика веротерпимости, то есть практика претворения в жизнь установленного законом объема прав и привилегий конфессий и религий с необходимостью приобретала внешнеполитическое измерение.

Религиозно-толерантная составляющая национальной политики.

Известный исследователь социальной истории императорской России Б.Н. Миронов выделяет четыре принципа национальной политики, осуществлявшейся монархией на протяжении XVIII – начала XX вв.²¹ Проблематика данной статьи в силу методологической целесообразности требует выделения в качестве предмета исследования базовую религиозно-толерантную составляющую этой политики, что позволит уяснить законодательную основу веротерпимости и ее органическую связь с национальной политикой.

Так, первым основным принципом на инкорпорированных территориях являлось сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры.

Главные принципы имперской веротерпимости в области государственно-религиозных и межрелигиозных отношений нашли свое законодательное воплощение в статьях 44 и 45 Основных законов Российской империи. Тем самым самодержавная власть обеспечивала легитимность имперской практики веротерпимости как необходимого средства для достижения социально-политической стабильности общества, отличавшегося религиозно-этническим многообразием. Так, статья 44 гласила, что «все, не принадлежавшие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоявшие на российской службе или временно в России пребывавшие, – пользовались каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной». В 45 статье Основных законов говорилось, что «свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование российских монархов, моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы империи»²².

Таким образом, в соответствии с российским законодательством веротерпимость означала определенную религиозную самостоятельность признанных в империи и находящихся под управлением государства «иностранных» христианских конфессий, религий и религиозных групп.

«Духовные дела христиан иностранных исповеданий и иноверцев ведаются особенными их духовными управлениями, верховной самодержавной властью к тому предназначенными. Сии управления, в исполнении своих дел и должностей, поступают по правилам и уставам своей веры, но с тем вместе неупустительно наблюдают и государственные узаконения и по долгу верноподданнической присяги охраняют все священные права и преимущества его императорского величества и законы государства»²³.

Управление официально признанными религиозными обществами находилось в ведении министерства внутренних дел, в частности, департамента духовных дел иностранных исповеданий. Ведению этого департамента подлежали вероисповедания: армяно-григорианское, римско-католическое, евангелическо-лютеранское, реформатское, еврейское, магометанское и ламаитское. В ведении департамента находились римско-католическая духовная коллегия, состоявшая из председателя (митрополита Римско-Католической Церкви по Империи), членов постоянных заседателей от епархий, прокурора и канцелярских чинов. Коллегии подчинялись римско-католические епархиальные управления и учебные заведения (римско-католическая духовная академия в Санкт-Петербурге и семинария); евангелическо-лютеранская генеральная консистория, состоявшая из светского президента, духовного вице-президента, членов светских и духовных, прокурора и чинов канцелярии. Генеральной консистории были подведомственны консистории местные. Для управления делами мусульман существовали Оренбургское духовное собрание и Таврическое духовное правление. По делам еврейского вероисповедания при департаменте состояла особая раввинская комиссия в качестве совещательного учреждения. Управление инославными и иноверными религиозными обществами существенным образом отличалось от управления Православной Церковью. Во-первых, они не имели высшего учреждения, ведающего всеми делами данного вероисповедания, за исключением Римско-Католической и Армяно-Грегорианской Церквей. Во-вторых, за исключением Римско-Католической Церкви, в организации управления всех других религиозных обществ в большей или меньшей степени присутствовало начало выборного самоуправления²⁴.

Если в соответствии с законодательством Православная Церковь именовалась «господствующей», то неправославные христианские исповедания пользовались статусом «покровительствуемых», то есть тех, которые «пользуются всемилостивейшим императора, «яко христианского государя» покровительством»²⁵. Так, в Уставе иностранных исповеданий об Армяно-Грегорианской Церкви было сказано: «Армяно-Грегорианская Церковь в Российской империи, наравне с прочими иностранными исповеданиями, пользуется всемилостивейшим покровительством государя императора»²⁶.

Императорский патернализм являлся необходимой составляющей религиозной политики, которая выражалась в ряде существенных привилегий,

закрепленных в Уставе иностранных исповеданий Свода законов Российской империи. В соответствии с законодательством монарху как высшей инстанции принадлежало разрешение важнейших дел покровительствуемых им исповеданий. Таким образом, религиозные общества, становясь привилегированными, приобретали, в известной степени, статус государственных. Степень привилегированности отдельных конфессий и религий соответствовала политическому значению идентифицирующих себя с ними этнических групп²⁷. Правительственная опека, находившая свое воплощение в обязательной регламентации управления религиозными обществами, в правительственной прерогативе на замещение высших церковных должностей имела свое рациональное обоснование в том, что учреждения признанных вероисповедных сообществ были наделены некоторыми функциями светской власти.

Вместе с тем правительственный контроль предполагал ограничение ряда прав, прежде всего для Римско-Католической Церкви, представители которой сообщались «с римским двором не иначе, как через министра внутренних дел». В соответствии с установленным порядком, «никакие акты, буллы, послания, наставления и всякого рода постановления и распоряжения римского папы и его правительства не имеют в пределах Российского государства, не исключая Царства Польского, законной силы», без разрешения российского правительства.²⁸

Российское законодательство охраняло Православную Церковь от отпадения православных и вместе с тем охраняло все христианские исповедания от отпадения их последователей в нехристианские религиозные сообщества. Так, за отвлечение из христианской веры «в веру магометанскую, еврейскую или иную нехристианскую» виновный приговаривался к каторжным работам на срок от 8 до 10 лет. Если для принуждения к отступлению от христианства было употреблено насилие, то срок увеличивался от 12 до 15 лет²⁹. Функционирование выстроенной таким образом системы взаимоотношений институтов светской власти и традиционных религиозным институтам позволяло монархии рассматривать эти отношения в качестве дополнительного средства утверждения легитимности верховной власти и внутренней стабильности самих религиозных сообществ.

Православная миссия и проблемы формирования религиозно-этнической идентичности.

Как уже отмечалось, только Православная Церковь как «первенствующая» и «господствующая» имела исключительное право убеждать к принятию ее вероисповедания всех неправославных подданных Империи, но при этом, согласно законодательству, «она не должна была употреблять ни малейших понудительных средств, а должна ждать добровольного обращения, ибо вера, – говорит закон, – порождается благодатью Господней, поучением, кротостью и более всего добрыми примерами. Поэтому, как отмечал профессор М. Красножён, в Церкви не было специальной миссии для обращения в Православие христиан иностранных исповеданий»³⁰.

Русская Православная Церковь рассматривала христианскую миссию и свидетельство как составную часть православного вероучения. Вместе тем миссию среди нехристианского населения в синодальный период истории Русской Церкви (1700 – 1917 гг.) нельзя рассматривать как чисто церковную инициативу, в значительной степени она направлялась государством, ставившим перед Церковью определенные задачи в рамках своей внутренней политики. Церковная миссия поддерживалась государством в русле политики русификации, или обрусения, инородцев. * По замечанию исследователя миссионерской политики в Волго-Камском регионе П. Верта, отношения между переходом в православие и обрусением были весьма сложными и многообразными. Можно говорить и об особых версиях православия, утверждавшихся в «инородческой» среде³¹. Власть оказывала содействие Русской Православной Церкви в миссионерской деятельности в Поволжье, Приуралье, Сибири, Туркестане и на Северном Кавказе среди мусульман, буддистов-ламаистов, язычников, а также в отношении евреев на северо-западе и юго-западе России. Русская Церковь отказалась от организованной миссии среди евреев, переложив, по словам И.К. Смолича³², заботу о крещении на епархиальных архиереев, которые выполняли постановления Святейшего Синода, если евреи сообщали о своей готовности к переходу в христианство. Однако законодательно-административная и финансовая поддержка внутренней миссии Церкви среди нехристианского населения как целевая установка российской политики играла некоторую, хотя, как правило, ограниченную и подчиненную, роль. Главной целью государства являлась прагматически обусловленная политика поддержания национально-религиозной и социально-политической стабильности российского общества, отличавшегося религиозным, этническим, социальным и экономическим многообразием. Тем самым государственно-церковная веротерпимость, испытывавшая воздействие западноевропейских либеральных тенденций со времени правления Екатерины II, в основном соответствовала политической практике наднациональной монархии с ее приоритетом общеимперских династических и сословных принципов над религиозно-этническими и языковыми.

Необходимость постоянного поддержания общественного порядка на огромном евразийском пространстве, разделенном на множество этнических и религиозных границ, отделяющих сообщества с четко выделенной верой и определяемых культурой, органически связанной с данной верой, друг от друга, была обусловлена самой природой государственной власти. Интеграционная политика в форме «русификации» * проводилась в разных

---

* Свод законов 1832 г. упоминал следующие категории инородцев: сибирские народности, особенно киргизы; самоеды Архангельской губернии; кочевники Ставропольской губернии северного Кавказа; кочующие калмыки Астраханской и Ставропольской губерний (на Волге); евреи на всём пространстве Империи. В церковной литературе понятие инородец употребляли применительно ко всем неславянским народам включая, например, уже крещёных татар, чувашей и мордву Поволжья. Государственное же законодательство причисляло оседлое население Поволжья (татар, чувашей, мордву и др.) и народности Северной России, например, вотяков и зырян, за исключением кочевых самоедов, к русскому населению.

* В белорусской историографии термин «русификация» носит сугубо оценочный характер с ярко выраженным негативным оттенком. В данном тексте это понятие, как и понятие национализм используются в значении, общепринятом в западноевропейской гуманитарной науке, исключительно с целью обозначения определённых исторических явлений, а отнюдь не вынесения оценочных суждений.

регионах и среди разных народов с разной глубиной и интенсивностью, а иногда и с отклонениями от генеральной линии. Дифференцированность этой политики находилась в прямой зависимости от степени языковой, конфессиональной и культурной близости народов и опасности, которую представлял сепаратизм для формирования единого национального государства.³³ Российская монархия, учитывая напряженность религиозно-политической атмосферы на западных границах России в связи с «польским вопросом» (восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг.), осложнением взаимоотношений между православием и протестантизмом в Прибалтике, начавшимся в 40-е гг. XIX в., расширением татаро-мусульманского влияния в Приволжском крае, а также межэтническим христианско-мусульманским противостоянием в Закавказье, стремилось предотвратить католическую экспансию среди православного населения Белоруссии и Украины, исходя из принципов традиционной веротерпимости. Свидетельством такого стремления стало негативное отношение государства к прозелитизму как потенциальному источнику межрелигиозных конфликтов и напряженности.

В религиозном законодательстве позиция государства как принципиального противника прозелитизма нашла свое выражение в следующем положении закона: «Те же правила терпимости, которые сохраняет правительство, обязывают всякую духовную власть и всякое частное лицо иностранного христианского и иноверного исповедания не прикасаться в делах веры к убеждению совести последователей других вер»³⁴.

Этот принцип, характерный для церковно-государственных отношений, был закреплен в уставе Лютеранской Церкви и положении о Церкви Армяно-Грегорианской, в которых говорилось, что члены этих церковных сообществ «должны тщательно воздерживаться от всякого нарушения надлежащего уважения к другим, свободно исповедуемым в империи верам, особенно же от строго воспрещаемого законами государства прозелитизма»³⁵. Преследуя указанную цель, правительство запретило въезд в Россию иезуитов³⁶.

Тем самым самодержавная власть недвусмысленно заявляла о том, что в своей политике веротерпимости, направленной на поддержание устойчивого правопорядка, регулировавшего сложные процессы межрелигиозных коммуникаций, исходит из принципов имперского православного патернализма, направленных на сохранение и стабилизацию религиозно-этнических границ внутри обширного евразийского государства. Охраняя православие в качестве господствующей веры русских* – оплота российской государственности, законодательство, как уже отмечалось, определяло иные

---

* Развитие национальных движений в России укладывается в схему, предложенную чешским историком М. Грохом для описания национальных движений в Центральной и Восточной Европе: в **фазе пробуждения** возникает интерес сравнительно небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору определённого народа; в **фазе агитации** национальное сознание распространяется в широких слоях этого этноса; наконец, в **фазе массового движения** данный народ в целом охватывается идеями национального самосознания и мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость. К началу XX в. поляки, согласно социальной схеме М. Гроха, вступили в стадию возникновения массовых национальных движений, когда этническая группа становится нацией (фаза С). Польский этнос относился к числу «старых или дворянских народов», обладавших единой католической верой, прочной традицией государственности, дворянской элитой, высоко развитой культурой. Белорусы относились к «молодым или крестьянским народам» Российской империи, национальное движение которых по описанию М. Гроха, вступило стадию патриотической агитации (фаза В), когда небольшая часть членов этнической группы, под влиянием схожих национальных движений, выдвигает проект преобразования её в нацию.

христианские вероисповедания в качестве «иностранных». Поэтому неправославный прозелитизм рассматривался правительством и Церковью в качестве инструмента этнокультурной ассимиляции, направленной прежде всего, против религиозного единства русского народа, а также религиозной самобытности этнических меньшинств. О неразрывности национальных и религиозных проблем свидетельствовала преследуемая законом миссионерская практика, в соответствии с опытом которой, проповедь католичества была связана с полонизацией, проповедь протестантизма – с онемечиванием, проповедь ислама – с татаризацией.

Р. Джераси в своей книге «Окно на восток. Национальные и имперские идентичности в поздней царской России» отмечает, что этнические идентичности часто зависели от религиозного фактора. В частности, в ситуации, характерной для Поволжья и Приуралья, переход мусульманина в православие выделял его в особую группу кряшенов, переход язычников-анимистов в православие часто сопровождался сменой их идентичности на русскую, а переход в мусульманство – на татарскую. Именно в этой не просто разнородной, но и неустойчивой в своей идентичности среде возникли условия для конфликта двух экспансионистских проектов национального строительства – русского и татарского. В Западном крае русский и польский проекты боролись за влияние в белорусской, малорусской и литовской среде, а в Остзейском крае русский проект соперничал с немецким. Политика властей в отношении различных этнических групп зависела от их численности, силы их элит и исповедуемой религии. Большие группы с полной социальной структурой, исповедовавшие одну из мировых религий, воспринимались как более опасные. Не последнюю роль играла способность ассимилировать более мелкие и слабые этнические группы. Русификация этих мелких групп всегда рассматривалась как идеальная цель; в крайнем случае, государство было готово даже способствовать укреплению их особой идентичности, чтобы предотвратить экспансию более сильных групп³⁷.

Как уже было сказано, к числу регионов, ставших ареной соперничества русского и польского проектов национального строительства, следует отнести Северо-Западный край. В этом регионе ограничиваемая правительством польско-католическая колонизация с одной стороны, и восстановление исторически утраченных позиций Русской Церкви, активно инициируемое графом Н.М. Муравьевым его последователями с другой, определили профессиональную принадлежность в качестве основного фактора этнической идентификации православных белорусов как «русской народности».

Последовательное проведение профессиональных границ между католиками и православными после упразднения унии на Полоцком соборе 1839г., путём определения вероисповедной принадлежности бывших униатов на основе норм религиозного законодательства и Высочайше утверждённых «Правил» от 17 апреля 1842г», являлось одновременно практикой этнической демаркации в среде автохтонного населения. Процесс преодоления размытости границ религиозной идентичности в среде бывших униатов, осуществляемый представителями православного и католического духовенства, носил амбивалентный характер.

С одной стороны, он способствовал усилению этнической мобилизации как православного, так и католического населения, актуализируя

вероисповедную идентичность как вертикальную составляющую сословной и локальной идентичности, с другой, создавал условия для межконфессиональной напряжённости в случаях, порождаемых практикой формальной интеграции бывших униатов в Православие. В районах с неустойчивой религиозно-этнической идентичностью (епархии со смешанным православно-католическим населением и, прежде всего, Холмско-Варшавская епархия, в которой позиции унии были особенно сильны, а воссоединение униатов с православием в 1875г. носило в основном формальный характер), возникла проблема «упорствующих в латинстве». Эти люди формально числились православными, оставаясь по существу униатами. «Упорствующие», насчитывавшие более 100000 человек не желали пребывать в Православной Церкви, отказывались ходить в православные храмы и исполнять духовные требы у православных священников. В ситуации, когда Греко-униатская Церковь на территории России была упразднена и исключена из законодательства как объект веротерпимости, бывшие униаты добивались перехода в Римско-католическую Церковь латинского обряда. Правительство и Святейший Синод, действуя в рамках законодательства, учитывали активность «латино-польской пропаганды» в среде «упорствующих» и не допускали свободного перехода бывших униатов в Католицизм, решая проблемы перемены конфессии с помощью бюрократической процедуры. Дела о вероисповедной принадлежности бывших униатов до 1882г. находились в ведении гражданских властей, а затем были переданы в учреждения православного духовного ведомства. Решения по этим делам осуществлялись на основании «Правил для руководства при рассмотрении и решении вероисповедных дел о бывших униатах Холмско-Варшавской епархии» 1892, 1898 гг.³⁸ По словам Митрополита Евлогия (Георгиевского): «Правила, которыми подобало руководствоваться при рассмотрении, были формальные: кто были предки? Если они были католиками, разрешить просителю вернуться в католичество можно, если униаты – нельзя.»³⁹ Такой традиционный генеологически-бюрократический подход к определению вероисповедной принадлежности, существенным образом ограничивавший права личности в выборе конфессии, просуществовал до выхода 17 апреля 1905г. манифеста о веротерпимости, разрешавшего свободный переход в другие исповедания. В результате упразднения унии на территории России в 1839, 1875 гг., большая часть белорусского крестьянства, до XVII столетия бывшая православной, вернулась в Русскую Церковь, переживая процесс реконструкции своей религиозно-этнической идентичности в новых исторических условиях, в то время как автохтонные белорусы, принявшие католицизм, приобретали новую этническую идентичность.

Остается добавить, что нормы веротерпимости, закреплённые в российском законодательстве, свидетельствовали о том, что православная монархия преследовала цель сохранения вероисповедной, а, следовательно, этнической идентичности и самосознания всех признанных инославных и иноверных религиозных обществ, включенных и включаемых в состав населения империи не только в дореформенный, но и в пореформенный период.

А. Каппелер отмечает: «Этноязыковая и конфессиональная идентичность (в пореформенный период) все еще были тесно взаимосвязаны, причем эта связь, как правило, усиливалась. Модернизация изменила характер империи как многонационального государства. Реформы, прежде всего крестьянская реформа и индустриализация, способствовали мобилизации новых социальных слоев и этнических групп. Связанные с процессами модернизации национальные движения формировали расчлененные по горизонтали на различные сословия общества в интегрированные по вертикали, осознающие свою культурную целостность нации, выдвигающие свои политические претензии. Русский язык, русская культура и православие усиленно использовались как инструмент гомогенизации империи»⁴⁰.

Однако, на наш взгляд, одним из сдерживающих и корректирующих факторов гомогенизации, отмечаемой А. Каппелером, являлась вероисповедная система Российского государства, которая, эволюционируя в соответствии с целями национальной политики на окраинах империи, способствовала не только сохранению, но и усилению этноязыковой и конфессиональной идентичности, то есть процессу становления наций и национального самосознания народов Империи. Следовательно, русификация, осуществляемая в форме православной миссии, не угрожала и не могла угрожать существованию крупных этнических групп, религиозно-этническая идентичность которых, охранялась законом и политикой веротерпимости.

Вторым краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество имперского правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства.

Что же касается признанных инославных конфессий и религиозных сообществ, к которым относились Римско-Католическая, Евангелическо-Лютеранская и Евангелическо-Реформатская Церкви, Армяно-Грегорианская Церковь и иноверных - исламское (как сунниты, так и шииты), буддистское, иудейское и караимское, то они пользовались особыми преимуществами, во многом совершенно одинаковыми с Православной Церковью как «первенствующей и господствующей». Признанные вероисповедные общества имели право публичного отправления богослужения, официально признанное существование духовенства как особого привилегированного класса. За религиозными обществами признавались права юридических лиц, обязательная сила монашеских обетов, право ведения актов гражданского состояния, дисциплинарная власть, юрисдикция по брачным делам и духовная цензура.⁴¹ Свидетельством того, что Российское государство признавало церковно-служебное положение духовных лиц «иностранных» христианских конфессий, отличая их от других групп населения в качестве особого сословия (подобно духовенству Русской Православной Церкви), являлись налоговые льготы, освобождение от воинской повинности и телесных наказаний. Инославное (католическое протестантское и армяно-грегорианское) духовенство пользовалось всеми правами чести, имело право получать за усердное служение ордена и наперсные кресты. Дети

инославного духовенства пользовались правами потомственного и личного потомственного гражданства⁴².

Имущество инославных церквей и монастырей находилось под покровительством правительства и охранялось законом как государственная собственность. По отношению к земским и городским повинностям имущество и здания церковных учреждений иностранных исповеданий пользовались теми же привилегиями, как и учреждения Православной Церкви⁴³.

Определённые привилегии были предоставлены духовенству нехристианских вероисповеданий, кроме языческих, однако меньшие по объёму, чем христианскому духовенству. Мусульманское духовенство (суннитское и шиитское) и их дети пользовались свободой от телесных наказаний и государственных налогов, повинностей, кроме воинской⁴⁴. Императорское правительство, заинтересованное в том, чтобы во главе еврейских обществ были поставлены образованные раввины, в 1844 г. учредило раввинские училища, приравняв их по отношению к общеобразовательным предметам к гимназиям. Раввины считались блюстителями и толкователями еврейского закона. На них были возложены обязанности по ведению метрических книг, по совершению обрядов обрезания младенцев и наречения им имён, бракосочетания, расторжения браков и погребения. Раввины пользовались в черте еврейской оседлости почётными правами купечества первой гильдии. Они и их дети были освобождены от телесных наказаний. Земские повинности за раввинов несли общества их избравшие. Те из раввинов, которые безупречно исполняли свои обязанности не менее 10 лет, награждались золотыми медалями

Таким образом, юридически выделяя инославное и иноверное духовенство в качестве привилегированного сословия, монархия рассматривала его в качестве интегрирующей силы, формирующей и сохраняющей единство имперского пространства, залогом которого являлась законодательная защита религиозно-этнического многообразия империи.

Третий основной принцип национальной политики состоял в создании некоторых преимуществ правового положения нерусских сравнительно с русскими. С помощью налоговой системы правительство намеренно поддерживало такое положение, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживавших в национальных окраинах, был выше, чем русских; нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались различными льготами.

В соответствии с указанным принципом специфическая система иерархически выстроенных льгот распространялась на инославное христианское и иноверное нехристианское духовенство.

Характерную особенность положения «господствующей» Православной Церкви составляло то обстоятельство, что ее содержание не возлагалось, подобно западным государственным церквям, на средства государства. Более того, закон даже не устанавливал на ее содержание обязательных сборов с прихожан, в то время как статья 353 Устава иностранных исповеданий касательно управления духовных дел христиан евангелическо-лютеранского исповедания «побуждала прихожан доставлять пастору положенное

обеспечение»⁴⁵. Высшее протестантское духовенство получало содержание из государственного казначейства.

Материальное положение духовенства «господствующей» Церкви было хуже, чем духовенства католического, получавшего содержание от казны (статья 133, Устав иностранных исповеданий) и процентов особого капитала, состоявшего в ведении министра внутренних дел⁴⁶.

Все признанные законом религиозные общества являлись юридическими лицами и обладали правом владения собственностью. Определенные ограничения были установлены относительно приобретения недвижимости, но для Русской Православной Церкви они были большими, нежели для других религиозных сообществ⁴⁷.

На основании вышесказанного необходимо сказать следующее. Национальная политика правительства не преследовала цели превращения русского народа в доминирующий, а законодательство империи, традиционно утверждая Православную Церковь в качестве «первенствующей» и «господствующей», свидетельствовало о том, что это «господство» было довольно относительным.

Согласно четвертому принципу национальной политики этнические и национальные критерии не были определяющими при продвижении по служебной лестнице. Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными, включавшими протестантов – немцев и финляндцев, католиков-поляков, татар-мусульман и представителей многочисленных нерусских народов.

Следует отметить, что данном случае, интегративное и вертикально-мобилизующее содержание этого принципа, не имело универсального значения в связи с рядом ограничений, связанных с религиозной принадлежностью подданных Империи. Однако эти ограничения не только не препятствовали, но и в известной степени усиливали религиозно-этническую идентичность тех групп населения, на которые религиозная толерантность не распространялась в полной мере.

Положение еврейской диаспоры.

В формировании особого законодательства о евреях вероисповедный мотив занимал господствующее положение. Правительствующий Сенат 1889 году признал, что единственным основанием ограничения прав евреев является их вероисповедание. В юридической литературе второй половины XIX в. неоднократно указывалось, что среди лиц, принадлежащих к признанным законом религиозным сообществам, только евреи подвергались существенным ограничениям в правах в зависимости от религии.⁴⁸ Однако министерство внутренних дел иначе интерпретировало взаимозависимость личных прав евреев с их вероисповедной принадлежностью. Следует отметить, что в своей законотворческой практике по выработке нового законодательства о свободе совести в 1906 г. правоведы МВД трактовали положение евреев-раввинистов следующим образом: «Обращаясь к ограничениям в области личных и имущественных прав, установленных

законом в зависимости от принадлежности к той или иной религии, необходимо, казалось бы, причислить к ним прежде всего все особые постановления о евреях, так как с принятием иудеями христианства в виде **общего правила** (так в документе. – А.Б.) отпадают и все установленные для евреев ограничения. Принимая, однако, во внимание, что в основе специального о евреях законодательства лежит не один только вероисповедный признак, а что закон выделяет евреев в особую инородческую группу, поставленную в силу своих национальных особенностей, в особые условия, – представляется уместным при обсуждении вопроса о свободе совести коснуться лишь тех ограничений, которые установлены законом исключительно в зависимости от принадлежности к данному вероисповеданию, а потому совершенно не упоминает о евреях, в предположении, что принадлежность к иудейскому вероисповеданию не должна служить основанием для каких-либо ограничений в области личных и имущественных прав.⁴⁹

В связи с данным обстоятельством многие ограничительные узаконения правительства, продиктованные экономическими причинами, имели религиозную подоплёку. К ним относились «охрана коренного (православного) населения от так называемой еврейской эксплуатации», страх усиления капиталистических элементов, которые могли бы эксплуатировать крестьян и вообще трудовой народ.⁵⁰

К ограничительным мерам экономического характера следует отнести воспрещение евреям жительство, приобретения и аренды недвижимости в сельской местности, ограничения в организации торговли спиртными напитками и т. д. Стремлением правительства ограничить возможное влияние на администрацию и законодательство христианского государства был продиктован запрет евреям поступать на государственную службу, за исключением лиц получивших высшее образование, учёные степени и врачам, притом, однако, не по всем ведомствам и не повсеместно.⁵¹ В конечном итоге большая часть правовых ограничений распространялась на всех евреев-раввинистов независимо от их сословия, социального положения или образовательного ценза.

В начале 80-х г.г, XIX века (после первых погромов вспыхнувших на экономической почве) позиция коронной администрации черты еврейской оседлости сводилась в основном к следующему: по мнению киевского, подольского и волынского генерал-губернатора Дрентельна, задачей правительства являлось «изыскивать такие мероприятия, которые ныне бы ограждали христианское население от столь надменного племени, как еврейское, религией своею отрицающее сближение с христианами, как нечто их унижающее»; виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор граф Тотлебен утверждал, что «от еврейского племени нельзя ожидать, чтобы оно посвятило свои дарования, свои силы на пользу родины»; а харьковский временный генерал-губернатор заявлял, что «талмудическая нравственность не ставит евреям никаких преград, ежели речь идёт о наживе на счёт иноплеменника; только страх наказания и опасения вызвать репрессивные меры против своего племени побуждают евреев сдерживать свои дурные инстинкты, направленные против коренного населения»⁵².

Сложное переплетение религиозно-этнических и социально-экономических проблем диаспоры, существовавшей в христианской среде, вынуждало правительство постоянно регулировать миграционные процессы демографически растущего и стремительно набирающего финансовую и общественную силу российского еврейства, исходя как из государственных интересов, так и интересов православного крестьянства западных и внутренних губерний, которое находилось в тяжёлом экономическом положении и было ограничено в своих сословных правах. Средствами регуляции миграционных потоков стали черта еврейской оседлости и поощрение эмиграции. На западных окраинах государства право российских подданных на повсеместное проживание в пределах Империи, относительно евреев было заменено разрешением на постоянное жительство в 15 губерниях. Следует отметить, что государственный контроль за постоянным проживанием в черте оседлости, как и само проживание, не означали насильственной депортации евреев и расселения в новых регионах. Речь шла об административной границе, проведённой по религиозно-этническому признаку в тех регионах, в которых евреи компактно проживали на протяжении столетий.

Обострившаяся в пореформенный период экономическая конкуренция в сфере торговли и предпринимательства и вызванные этой конкуренцией погромы вызвали озабоченность правительства, которое неоднократно предпринимало решительные меры по защите жизни и собственности еврейского населения.

Серьёзным препятствием для правительства и коронной администрации в выработке сбалансированного административно-правового порядка, позволяющего евреям принимать полноправное участие во всех сферах общественной жизни, являлись: древняя традиция религиозно-этнической исключительности еврейской общины и вызванный ею религиозно-культурный изоляционизм; богословски непримиримое различие между иудейской и христианской теологиями, что способствовало неизбежному напряжению в отношениях между евреями и православным большинством; а также революционный радикализм известной части еврейского населения.

Положение старообрядцев.

Религиозно-правовая практика Империи ряд включала в себя ряд существенных ограничений для старообрядцев, до 1905 г. официально именуемых раскольниками, (решением Поместного Собора 1666-1667г.г. были отлучены от Православия и не признавались государством в качестве религиозного сообщества) а также для приверженцев непризнанных, но лишь терпимых государством сект. В старообрядческой среде изначально не было согласия между собой по многим вопросам вероучения и обрядов. Богословские споры привели к распаду старообрядчества на группы (толки, согласия). По отношению к основному вопросу – о богоустановленной иерархии, т. е. о епископате, священстве и проблеме преемства старообрядцы разделились на *бесполовцев*, которые отрицали священство «никонианской» Церкви или даже священство вообще, и *поповцев*

признававших священство. Стремление поповцев получить канонически правильное рукоположенное священство, богослужение и таинства Православной церкви привело в 1846 г. к созданию белокриницкой или «австрийской» иерархии. Светская и церковная власти упорно боролись с расколом как с религиозной – а, по мнению правительства, – ещё и политической угрозой. Преследования старообрядцев, к которому неоднократно прибегало правительство, осуществляла Церковь, и это было частью её внутренней миссионерской деятельности. Так как раскол в большинстве своём являлся схизмой, а не ересью, старания Церкви были направлены на возвращение схизматиков в Православие. Следует отметить, что миссия среди старообрядцев, которая велась Русской церковью при поддержке государства на протяжении XVIII – начала XX веков с разной степенью интенсивности, не привела к значительным результатам.⁵³

Старообрядцы в реализации своих сословных и религиозных прав пользовались «неизмеримо меньшей свободой, чем всякая иноверная вероисповедная группа (мусульмане, буддисты, иудеи)» не исключая язычников... вследствие недостатка терпимости к их религиозной жизни».54 Если степень признания государством «раскола» в целом ставила его в правовом отношении в один ряд с язычеством, то в ряде случаев старообрядцы были поставлены ниже язычников – инородцев. Так, старообрядцам запрещалось всякое публичное свидетельство веры, тогда как инородцам это не было запрещено. Старообрядцы были лишены права законного церковного брака, тогда как «каждому племени и народу», не исключая язычников, разрешалось вступать в брак по правилам их религии или по принятым обычаям, без участия представителей светской власти. Существенным ограничением была подвергнута богослужebная жизнь старообрядцев. Они не обладали правом иметь свои богослужebные книги, а должны были приобретать их в особой «учреждённой» правительством типографии. Старообрядцы не должны были иметь свои особые священные изображения и иконы, а вступление старообрядцев в иконописные цехи могло осуществляться только с разрешения министра внутренних дел. У старообрядческих общин, в отличие от «иностранных» христианских вероисповеданий, не было также права приёма лиц неправославных исповеданий, добровольно присоединяющихся к «расколу»⁵⁵.

Расширение гражданских прав старообрядцев началось в эпоху великих реформ Александра II. В 1874 г. вышел закон о браках «раскольников», вызванный введением всеобщей воинской повинности, в соответствии с которым местным властям предписывалось регистрировать браки старообрядцев, заносая их в особые метрические книги, тем самым они признавались действительными. Этот закон впервые вводил в России гражданское бракосочетание. Как уже было сказано выше, ведение актов гражданского состояния в Империи было предоставлено духовенству признанных вероисповеданий и только для старообрядцев и баптистов ведение метрик возлагалось на полицию. Было ликвидировано существовавшее ранее принуждение крестить «раскольников» по православному обряду. Тем самым закон от 19 апреля 1874 г. положил начало официальному признанию «раскола» в качестве особого вероисповедания в среде русского народа.

Смягчение ограничительных мер по отношению к старообрядцам было продолжено при Александре III, несмотря на последовательно негативную позицию в этом вопросе обер-прокурора Святейшего Синода К.П.Победоносцева, который считал, что "Русский раскол старообрядчества, имея крепкие корни в своём историческом прошлом и в предрассудках невежества, в общем продолжает представлять из себя тьму почти беспросветную и силу трудно одолимую... Вдали от общественной жизни, среди грубости и во мраке невежества блюдётся мнимо-древнее, внешне обрядовое благочестие, воспитывается и укрепляется фанатическая ненависть к Православной церкви, доходящая нередко до изуверства»⁵⁶.

В свою очередь закон от 3 мая 1883 г., обязанный своим появлением решению Государственного совета, подтвердил уже дарованные старообрядцам гражданские права: свободного передвижения по Империи, занятия торговлей и при известных условиях права занимать выборные общественные должности. Закон дозволил старообрядцам закрытые богослужения, строительство молитвенных домов без крестов и колоколен, он гарантировал лицам, совершающим эти богослужения, свободу от наказаний, хотя и не признавал их в качестве духовенства. Как и прежние, новый закон запрещал всякую пропаганду раскола. Этот закон заложил основу административной практики на три последующих десятилетия. По Уголовному кодексу 1903 г, совращение в раскол было наказуемо принудительными работами на срок до 10 лет, а печатание и продажа старообрядческих книг наказывались штрафом в 300 рублей.⁵⁷

Законы преследовавшие раскол оставались в силе до 1904-1906г.г. В связи с тем, что полная нетерпимость с появлением законов 1874, 1883 г.г. была заменена условной, ограниченной терпимостью, старообрядцы-поповцы и беспоповцы, как отмечал в своё время известный канонист Н. Суворов, по-прежнему домогались права, чтобы им «представлено было в русской земле столь же определённое положение, каким пользуются разные иноверцы нехристианских исповеданий в пределах широкого русского государства: евреи, магометане и язычники, или то положение, в котором находятся вероисповедания католическое, протестантское и армяно-грегорианское».⁵⁸ Позицию Русской Церкви относительно вопроса об уравнивании в правах старообрядцев с «иностранными» исповеданиями выразил в начале 60-х гг. Московский святитель Филарет: «Раскол нельзя уравнивать с положением существующих в государстве различных вер. Раскол не может идти в сравнение с терпимыми в России исповеданиями, которые не скрывают перед правительством своих учений и не касаются коренного русского населения. Напротив того раскольники в действиях своих не дают правительству отчёта и, по духу своего прозелитизма, никогда не разграничатся с православными. От того существует значительное число (до 600 тысяч) колеблющихся между православием и расколом. Эти люди ещё ходят к православному богослужению, не исключают себя из Церкви, боятся ответственности перед законом, к ним ещё имеет доступ духовенство, их тайное уклонения от православия ещё не имеет наглости; но при послаблении законов все они сделаются быстрою и невозвратною добычею раскола, а явное их отпадение укажет путь другим».⁵⁹

Русские православные традиционалисты, наиболее консервативная и социально устойчивая часть российского общества подвергались преследованиям и дискриминации в своём Отечестве по причинам религиозного характера. Отсутствие необходимых личных прав делало невозможным для старообрядцев государственную служебную карьеру. В силу имевшихся ограничений, а также стойкой традиции религиозного и культурного изоляционизма, ни не могли создать научно- культурную элиту, способную оказать существенное интеллектуальное воздействие на общественную мысль страны. Однако незаурядная экономическая активность старообрядцев, обусловленная во многом их особым правовым положением, привела к тому, что в XIX – начале XX в.в., они смогли составить значительную часть промышленно-торговой элиты России.

Великорусский этнос оказался расколотым по религиозному признаку, что существенным образом затрудняло воздействие Православной Церкви на формирование национального самосознания. Старообрядчество своим существованием раскалывало единство Православия как универсальной религиозной идентификации русского народа, существенным образом сужало характерное для той эпохи содержание этнонима «русские». Своим настойчивым сопротивлением синодальному миссионерству раскол свидетельствовал о том, что его вера есть единственная, истинно русская вера, а другие веры, не исключая и господствующей, являются «иностранскими». Раскол отрицал национальный характер Русской церкви и являлся её соперником в качестве живого носителя «истинно русского» древнего благочестия. Непримируемое и длительное противостояние православно - традиционалистского меньшинства русского народа и его православного большинства свидетельствовало о трагическом конфликте, обозначившем наличие жёстких религиозно-культурных идентификационных границ внутри великороссов. Религиозно- идеологический характер соперничества сторон по вопросам приоритета в сохранении церковной и этнической преемственности, делал конфликт неразрешимым не только в рамках существовавшего до 1905 г. государственно-церковного законодательства, но и гораздо позже. Важной причиной устойчивости и напряжённости конфликта расколовшего Русскую Церковь и русское этническое самосознание стало разногласие в богословской интерпретации русской церковной традиции (исправление богослужебных книг), которое в свою очередь само обернулось прочной традицией противостояния. В данном случае границы веротерпимости для старообрядцев оказались чрезвычайно узкими, являясь наряду с имперским династическим патриотизмом, а также наличием сословных и культурных противоречий внутри самого русского народа, существенным препятствием для формирования единого русского самосознания в условиях пореформенной модернизации.

Итоги.

Православная вера и тесно связанное с ней русское этническое самосознание принадлежали к интегрирующим силам, сохранявшим и поддерживавшим единство Российской империи. Однако конститутивными, основополагающими принципами внутренней политики российского

правительства были не только они. Приоритетным направлением этой политики являлось достижение политической лояльности, как русских, так и нерусских подданных, по отношению к российским императорам. Прочность многоэтнической и полирелигиозной империи не могла быть обеспечена какой-либо одной этнической или конфессиональной идеологией. Главную интегрирующую роль, как подчеркивает А. Каппелер, играли династические принципы, принципы самодержавной, освященной Божественной волей власти государя, сословный принцип, определявший социальные связи.⁶⁰ Вместе с тем, как следует из содержания данной статьи, законодательные принципы вероисповедной политики, сохраняя и поддерживая иерархическую структуру прав и привилегий религиозных сообществ Империи, исключали принцип доминирования первенствующей и господствующей Церкви, корректируя его в соответствии с общеимперскими интересами монархии. Правовое пространство веротерпимости позволяло монархии, разумеется, с известными трудностями, проводить модернизацию под знаком «русификации», которая в тех условиях означала не создание преимуществ и привилегий для русских и Православия, а, прежде всего, систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию.⁶¹

В пореформенный период социальная и национальная мобилизация охватывала не только русских, но и многочисленные нерусские народы, которые постепенно превращались в современные нации со своими новыми элитами, литературными языками и высокоразвитыми профессиональными культурами. Эти встречные, противоположно направленные тенденции гомогенизации и диверсификации, укрепление единства и нарастание различий усиливали политическое и социальное напряжение в многонациональной империи позднего периода.⁶²

В этих условиях исторически сложившаяся и трансформирующаяся законодательная политика веротерпимости с разной степенью эффективности способствовала сохранению и развитию религиозно-этнической идентичности народов империи, политической стабильности и единству которой угрожали возрастающий в процессе модернизации как светский, так и религиозный национализм. Существование в рамках Империи универсальной династической лояльности и дифференцированной лояльности религиозно-этнических групп должно было, с точки зрения законодательства о веротерпимости, придать стабильность системе как межрелигиозных, так и церковно-государственных отношений. Веротерпимость как инструмент интеграции этнических групп, диаспор и племён Российской империи в единый социально-политический организм, в своём законодательном воплощении охраняла прежде всего конфессиональное единство русского народа, – великороссов, малороссов и белорусов, соединяя тем самым воедино церковные, национальные и государственные и интересы. Учитывая то обстоятельство, что до 1905 г. и далее вплоть до Февральской революции 1917г. «настоящего сепаратизма», как и глубоких религиозных конфликтов, Россия не переживала, можно сделать вывод, что политика веротерпимости являлась приемлемой для большинства полиэтнического и полирелигиозного российского общества, за немногими известными исключениями.

- ¹ Тихомиров Л. Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики: Миссионерское обозрение. №3 1902. С. 435; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 210.
- ² Сборник документов и материалов юбилейного архиерейского собора Русской Православной Церкви. Москва, 13–16 августа 2000 г. Н. Новгород. 2001. С. 180–182.
- ³ Dieckhoff A.W. Staat und Kirche. Principielle Betrachtungen uber das Verhältniss beider zueinander aus dem Gesichtspuncte des christlichen Staates. Leipzig, 1872. S. 27–29; Рейснер М. Христианское государство (К вопросу об отношении государства и Церкви). Томск, 1899. С. 47.
- ⁴ Красножен М. Иноверцы на Руси. Юрьев, 1900. Т. 1. Положение неправославных христиан в России. С. 151.
- ⁵ Градовский А.Д. Собр. соч. СПб, 1901. Т. 7. Начала русского государственного права. Ч. 1. О государственном устройстве. С. 333–335; Коркунов Н.М. Русское государственное право. 3-е изд., перераб. СПб, 1899. Т. 1. С. 496; Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Свод законов Российской Империи. Т. 14. СПб, 1890. Ст. 53; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Издано проф. Н.С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб, 1886. Ст. 196; Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. Ст. 253; Смолич И.К. История Русской Церкви. Т. VIII. Ч. II. М., 1997. С. 58.
- ⁶ Беликов В. Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань. 1895. С.174.
- ⁷ Добротин Г.П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С.13.
- ⁸ Свод законов Российской империи. СПб, 1892. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. Ст. 40.
- ⁹ Там же. Ст. 41.
- ¹⁰ Там же. Ст. 42.
- ¹¹ Там же. Ст. 43.
- ¹² Бердников И.С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888. С. 242.
- ¹³ Свод законов Российской империи. СПб, 1892. Т. 10. Ч. 1. Приложение к ст. 67.
- ¹⁴ Красножен М. Иноверцы на Руси. Т. 1. С. 162.
- ¹⁵ Свод законов Российской империи. Т. 14. Ст. 36.
- ¹⁶ Там же. Т. 14. Ст. 20–24; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 209.
- ¹⁷ Свод законов Российской империи. СПб, 1896. Т. 11. Ч. 1. Ст. 4.
- ¹⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 184–187.
- ¹⁹ Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость: Сб. ст. СПб, 1905. С. 3–5.
- ²⁰ Миллер А.И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье. Политическая наука. Национализм – новейшие исследования: Сб. науч. тр. М., 2002. № 4. С. 36.
- ²¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.) СПб, 1999. Т. 1. С. 30–34.
- ²² Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. Ст. 44–45.
- ²³ Там же. Т. 11. Ч. 1. Ст. 3.
- ²⁴ Коркунов Н.М. Русское государственное право. С. 502.
- ²⁵ Свод законов Российской империи. СПб, 1892. Т. 1. Ч. 1. Ст. 42.
- ²⁶ Там же. Т. 11. Ч. 1. Ст. 1109.
- ²⁷ Рейснер М.А. Государство и верующая личность: Сб. ст. СПб, 1905. С. 162–164.
- ²⁸ Устройство Римско-Католической Церкви в России (без Царства Польского). СПб, б/г. С. 15.
- ²⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 184.
- ³⁰ Бердников И.С. Краткий курс церковного права. С. 241.
- ³¹ Миллер А.И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье. С. 34.
- ³² Смолич И.К. История Русской Церкви. С. 220.
- ³³ Миронов Б.Н. Социальная история... С. 63.
- ³⁴ Свод законов Российской империи. СПб, 1892. Т. 11. Ч. 1. Ст. 256.
- ³⁵ Там же. Ст. 1110.
- ³⁶ Свод законов Российской империи. Т. 9. Ст. 419, прим.
- ³⁷ Миллер А.И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье. С. 34.
- ³⁸ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1898 г. СПб, 1901.- Сс. 30-35.
- ³⁹ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М, 1994. – Сс. 95-96.
- ⁴⁰ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 120.
- ⁴¹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. С. 500.
- ⁴² Свод законов Российской империи. Законы о состоянии. СПб, 1892. Т. 9. Ст. 502–506.
- ⁴³ Там же. Т. 11. Ч. 1. Ст. 1017.
- ⁴⁴ Бердников И.С. Краткий курс церковного права. С. 210, 236.
- ⁴⁵ Свод законов Российской империи. СПб, 1892. Т. 11. Ч. 1. Ст. 353.
- ⁴⁶ Там же. С. 292–293.
- ⁴⁷ Коркунов Н.М. Русское государственное право. С. 520.
- ⁴⁸ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 495–496; Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Ч. 1. С. 337.
- ⁴⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 7, Л. 36; Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. Ст. 1299.

-
- ⁵⁰ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. - М, 1995. - С. 252.
- ⁵¹ Градовский А.Д. Собр.соч. – Т.7. Начала русского государственного права. – Ч.1. О государственном устройстве. – СПб., 1901г. – С.335.
- ⁵² Еврейская энциклопедия. - Т.1.- М, 1991. - С.829.
- ⁵³ Смолич И.К. История Русской Церкви. – Т.VIII, ч.2. – М., 1997. –С.116,119.
- ⁵⁴ Реформы веротерпимости на пороге XX века и состояние государственной Церкви России. Сост.Г.М.Калинин. Н.Новгород, 1905.- С.11.)
- ⁵⁵ Рейснер М.А..Государство и верующая личность. Сб ст.- СПб, 1905.- с.195 .
- ⁵⁶ Обзор деятельности ведомства Православного исповедания за время царствования Императора Александра III. СПб, 1901.-с.238.; Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1900г. СПб 1903г. С.с 210-225.
- ⁵⁷ Смолич И.К. История Русской Церкви. – Т.VIII, ч.2. – М., 1997. – Сс.148-149.
- ⁵⁸ Суворов Н. О происхождении и развитии русского раскола. - Ярославль, 1886.- Сс.-57-58.
- ⁵⁹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. V. Часть вторая. М, 1887.-С. 465-466.
- ⁶⁰ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 120.
- ⁶¹ Миронов Б.Н. Социальная история России... С. 41.
- ⁶² Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 223.